

КАПИТАНЫ
РУССКОЙ
ФАНТАСТИКИ

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ЗВЕЗДНЫЙ ВОЛК

ИСТОРИИ О КОСМОСЕ

НОВОЕ, НЕИЗДАННОЕ И ИЗБРАННОЕ

Святослав Владимирович Логинов
Звездный волк.
Истории о космосе
Серия «Капитаны русской фантастики»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70312705
ISBN 978-5-222-42056-0*

Аннотация

Обитатели далекого мира оказываются перед непростым выбором: отказаться от магии (а вместе с ней – и счастливой сытой жизни) или отважиться поднять глаза к небу...

Из темных глубин космоса в Солнечную систему прибывает корабль «чужих» – давно погибшей расы, даже после своей смерти продолжающей нести угрозу всему живому...

Человечество вступает в кажущуюся безнадежной борьбу за господство во Вселенной, которая давно поделена между иными силами, и места для людей в ней нет...

Новая планета с орбиты кажется настоящим раем, но оказывается подлинным адом для тех, кто пытается высадиться на ее поверхности...

В новый авторский сборник «Звездный волк» признанного классика отечественной фантастики Святослава Логинова вошли преимущественно рассказы и повести, ранее не издававшиеся, а также несколько «редкостей» разных лет.

Глубокий космос, мрачный, холодный, но наполненный самой разнообразной жизнью, далекие галактики, загадочные инопланетные цивилизации, первые контакты с чуждым разумом – вот темы сборника.

Содержание

Истории о космосе	7
Дорога, изобильная водой	8
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Святослав Логинов
Звездный волк.
Истории о космосе

Истории о космосе

Пространство за пределами Земли называется космическим пространством. Довольно большое количество людей побывало там, поэтому рассказы и повести, действие которых происходит в космосе, считаются научно-фантастическими. Хотя что там научного – ума не приложу. Однако традиция вещь упрямая, поэтому скажем: в сборник «Звездный волк» входят научно-фантастические рассказы, короткие повести и миниатюры, действие которых происходит в космосе или каким-либо образом повествует о космосе.

Тема космоса в фантастике чрезвычайно популярна, рассказы и повести исчисляются сотнями, подавляющее большинство из них относится к скучному сюжету: «А еще в нашей Галактике был случай». Случаи в моей Галактике я стараюсь выбирать оригинальные и героев-космопроходцев также ищу не слишком стандартных. И все же иногда я пишу произведения не самостоятельные, а подражающие любимым авторам. В данном сборнике это повести «Зеленый купол» и «Статуя великой богини». Первую я писал в подражание «Стальной крысе» Гарри Гаррисона, вторую – рассказам Роберта Шекли. Если кто-то захочет осудить меня за это – пусть осуждает.

Дорога, изобильная водой

После томительного тягуна, перемежаемого осыпями, бездорожье стало таким, что даже вездеход пройти не мог. Пришлось останавливаться и думать, что делать дальше.

Соло здесь никогда не показывалось из-за горизонта, но было близко, отчего небо сияло заревом, освещавшим окрестности, а теплый ветер хотя и не мог растопить лед, но позволял дышать. Будь иначе, даже разведчик не мог бы сюда проникнуть.

Катарин сбросил на камни поклажу, и вездеход тут же улегся рядом. Инстинкт подсказывал ему, что здесь он не отыщет ни былиночки, и животное берегло силы.

Путь, казавшийся самым перспективным, обернулся тупиком. Оставалось надеяться, что одна из развилок, которых позади встречалось немало, приведет не к сплошному завалу, а откроет путь на север. «Дорога, изобильная водой», как говорится в обугленных пророчествах. Но, чтобы пророчества сбылись, нужно как следует побродить в холодных сумеречных землях, не жалея ни себя, ни вездехода, отыскивая обетованную дорогу, чтобы внукам было куда отходить, когда Соло приблизится к счастливым землям и сожжет их.

О том, что случится, если дорога не отыщется, Катарин старался не думать. Хотя думай не думай – всякому ясно: если не удастся отступить от надвигающегося Соло, в живых не

останется никого. Каждый народ отступал своим путем, кому-то должно было повезти, а другие народы, иной раз сильные и многочисленные, оказывались прижаты к непреодолимым горам и гибли после того, как Соло глянет на них в упор.

Дед рассказывал Катарину, что в годы его молодости или даже раньше перед людьми стоял большой выбор, куда отступать от надвигающейся жары. Именно тогда они обрели счастливые земли, а народы, не сумевшие завоевать себе этого права, расточились по узким ущельям, где тоже много воды, но меньше плодородных земель и склонов, годных под пастбища. Некоторое время с этими людьми можно было встречаться, но затем Соло выжгло проходы, и с тех пор никто уже не приходил, чтобы вторгнуться в счастливые земли. Если потомки тех людей живы, они также ищут путь на север, и может быть, им повезло больше. Кто знает, вдруг узкие расщелины, показавшиеся некогда ни к чему не пригодными, куда оттеснили противника, упираются в пологий ледник, который даст земле воду, а когда растает, на его месте откроется долина – покуда бесплодная, но готовая стать новой счастливой землей. Только жить там станут чужаки, которые помнят, как сильные соседи гнали их на верную смерть.

Малость передохнув, Катарин поцокал вездеходу и, выбирая дорогу среди обледенелых камней, начал спуск. Без вездехода не так просто удалось бы одолеть этот маршрут, но вышколенное животное умудрялось держаться на таких

склонах, где, казалось бы, цепляться вовсе не за что.

Довольно много времени ушло на то, чтобы спуститься на тягун, где можно было бы вскочить на вездеход и ехать, ни о чем не заботясь, но Катарин продолжал путь пешком, не желая мучить животное. Здесь уже местами встречались лишайники, способные расти, если мороз не слишком силен. Временами вездеход приостанавливался и соскребал с валунов зеленеющие пятна лишайников или хрустел льдом, белеющим меж камней. Катарин не торопил вездехода. Он хотел проверить еще одно ущелье, а для этого вездеход должен быть сыт.

Вокруг заметно стемнело. Ведь это только кажется, что Соло неподвижно висит в небесах и требуются годы, чтобы заметить его движение. Но есть и небольшие колебания, которые называются прецессией. Соло чуть-чуть отходит, потом делает шаг вперед. По этим колебаниям отсчитываются ночные и дневные часы. Будь иначе, люди потеряли бы всякое представление о времени. Есть и годовая прецессия, с которой сообразуются земледельцы.

Разгуливать по горам в темноте не следует даже на вездеходе. Катарин тоже перекусил, сунул в рот ледышку и улегся, прижавшись к теплomu вездехожьему боку.

Когда кругом развиднелось, Катарин поднялся, взнуздал вездехода и двинулся вниз, стараясь не загадывать, какую из боковых расщелин попытается он исследовать сегодня. У разведчиков существовал самый сложный ритуал выбора пути,

но Катарин не верил в мистические приметы и не слушал никого, кроме собственной интуиции, что не мешало ему числиться самым удачливым следопытом.

Черные, шелушащиеся окалиной камни ясно говорили, что когда-то, бессчетное число поколений назад, здесь была раскаленная пустыня и Соло, висящее в зените, сжигало самые камни. Потом из огненной смерти горы ушли в ледяную смерть, а теперь вновь возвращаются к свету. Предки знали, как и почему это происходит, а Катарин просто верил старшим, поскольку все, что он видел, подтверждало их слова. Соло неуклонно надвигалось, оттесняя людей к горам, и скоро в счастливом краю станет попросту невозможно жить. Зато в горах из-под льда высвобождалась пленная земля, и там порой находили развалины селений, принадлежащих неведомым народам. Катарин частенько пытался представить, каково живется там, где на людей надвигается не зной, а мрак и холод. Люди бросают дома и пашни и откочевывают вслед за уходящим Соло. А как они обходятся с водой, ведь там нет тающих ледников? Где берут начало их реки и есть ли они вообще? Странные люди живут на той стороне земли, недаром они зовутся антиподами.

Знают ли они о нас и как нас себе представляют? Мы находим развалины их домов, остатки дорог, даже сложенные из камня и глины могилы – лед сохраняет все. А что останется от наших селений, когда их как следует прожарит Соло? Скорей всего, не будет ничего, кроме шелушащихся окали-

ной камней. И конечно, будут возвышаться гробницы древних – над ними не властны ни лед, ни Соло.

В начале спуска обожженные камни были покрыты тонкой наледью, невероятно затруднявшей движение. Идти по ним без вездехода было бы страшно трудно, зато ноги вездехода одинаково прочно держались на камне и льду, на крутых подъемах и не менее крутых спусках. Даже сейчас Катарин не стал забираться вездеходу на спину, просто пошел, держась за густую гриву. Хороший вездеход – не выючное животное, это друг, он знает, что человек не станет напрасно нагружать его работой: везде, где можно, свою долю трудностей он возьмет на себя.

В одиночку спуск занял бы вдвое больше времени и сил, а так Катарин довольно быстро оказался в небольшой долинке, где начинались пути в разных направлениях. Здесь было довольно тепло, хотя Соло из-за горизонта не показывалось. Однако теплый ветер с жаркой стороны успевал напитаться влагой, и камни, к удовольствию вездехода, густо пятнались лишайниками. Катарин позволил вездеходу малость подкормиться, сам тем временем выбирая дальнейший маршрут.

Трудность состояла не в том, чтобы успешно перевалить через горы: всем народом это можно будет сделать. Опытные скалолазы одолеют любую крутизну, а затем, спустив вниз веревки, поднимут в плетеных люльках женщин, детей, стариков и не слишком тяжелый скарб. Даже стада ко всему привычных барашей и табуны вездеходов можно провести

через горы без заметных потерь. Беда в другом: за перевалом – царство льда, и Соло согреет те места через пару десятков лет после того, как оно же спалит счастливую землю. За это время народится новое поколение, и ему надо будет где-то жить и кормиться. Долинка, которую отыскал Катарин, хороша, но слишком мала. Дорога, которую он ищет, должна быть не только проходимой, но и кормной.

Есть множество примет, по которым можно выбирать будущую дорогу, но главная из них – следы водных потоков. В неведомые времена здесь текли реки и ручьи. Никто не скажет, было ли это во времена антиподов или даже много эпох назад. Но раз вода была некогда, значит, может быть и сейчас.

Катарин взял немного пепла, растер его на ладони. Когда здесь появится вода, пепел быстро превратится в плодородную почву. Хорошая долинка, уютная, всем изобильная, и склоны не слишком крутые, лавин можно не бояться. Жаль, что мала долинка, весь народ не вместит, и выходы из нее покуда не разведаны; как бы симпатичная долинка не обернулась ловушкой, куда легко зайти, но трудно выбраться.

Особых затруднений при выборе маршрута Катарин не испытывал: так или иначе придется исследовать все возможные варианты, речь идет лишь об очередности. Катарин поцокал, подзывая вездехода, навьючил на него торбы и направился к расщелине, которая показалась ему привлекательней других.

Вновь начался выматывающий силы тягун. Полей и огородов здесь ждать не приходилось, а пастбища будут приличные. Тягун, как и в прошлый раз, закончился сплошным бездорожьем. Справа и слева вздымались изъеденные скалы, у подножия которых кучились осыпи. Казалось бы, никакого пути между ними не сыскать, но вездеход природным чутьем находил дорогу. Долго и тяжело ползать по таким местам, но только живущие в горах обретают счастливые земли. На равнинах слишком мало воды, с гор она не дотекает, и Соло, когда приходит его время, выжигает равнину слишком быстро. Потому народы и сражаются за право отступать по укромным ущельям. Но когда ущелья оказываются тупиками, недавние победители погибают первыми, ведь вернуться и избрать новый путь уже нельзя – там властвует Соло, и человек сгорит немедленно, словно брошенный в печь. Чтобы этого не случилось, Катарин и другие следопыты бродят по мерзлым землям, разведывая пути безопасного отхода.

Главное для человека – не только земля, но и вода. Не будет полива – погибнут посевы, не окажется водопоев – сгинут стада. А водные потоки потекут с гор, когда Соло начнет растапливать ледники. Так образуются счастливые земли. Их орошают прохладные ледниковые воды и умеренно согревает чуть выглядывающее из-за гор Соло.

Но постепенно Соло поднимается выше, жара и духота охватывает край, еще недавно казавшийся земным раем. Поначалу это не так плохо, жару и яркий свет можно перетер-

петь, а урожаи в такое время снимаются небывалые. В ущельях тоже становится тепло, и льют непрерывные дожди, которые приносят возвратные ветра. К сожалению, оползни и лавины в такую пору сходят едва не каждый день. Пройдет еще несколько лет, и долины придется покидать, ничего живого там не останется.

Поднявшись на увал, Катарин остановился, пораженный открывшимся зрелищем. Обширная котловина была целиком заполнена льдом. Оценить глубину будущего озера не удавалось, но зеркало превышало размерами самый большой ледник, что приходилось видеть Катарину. Поверхность льда не была гладкой – хотя лед нигде не был взломан, но за нескончаемые мгновения вечной ночи кристаллики инея на некогда блестящей поверхности бесчисленное число раз подвергались холодной возгонке и вновь кристаллизовались в большем размере. Теперь они напоминали ножи и иглы длиной в локоть. Пройти по этой поверхности не смог бы даже вездеход. Когда с дневной стороны потянет теплым ветром, иглы начнут слезиться и потеряют остроту, но пока здесь пути нет ни для кого, кроме Катарина и его вездехода.

Следуя изгибам невидимого карниза, Катарин прополз вдоль обрыва, и верный вездеход проследовал за ним, не потеряв поклажи.

За будущим озером оказался небольшой увал, а затем дорога пошла под уклон. Собственно, это был привычный тягун, просто двигаться пришлось не в гору, а на спуск. Если

вода из озера хлынет в эту сторону, тут будут отличные пастбища. Жаль, что пахотных земель Катарин так толком и не нашел. Всюду, сколько видит глаз, – камни, спаянные льдом. И на этом вымороженном фоне – пятно, чуть выделяющееся, но вполне заметное наметанному взгляду. Туда Катарин и направил вездехода. Если что-то показалось странным, разведчик не должен проходить мимо.

Прежде Катарину не приходилось видеть такое, но он сразу понял, что перед ним. Гробница древних! Легенды рассказывают, что где-то на равнинах стоят две гробницы, огромные, как самая большая скала. Встречались и гробницы поменьше, но о такой маленькой сказки не говорили. К тому же стояла она в горах, а это дело вовсе небывалое.

Была гробница приземиста, не достигая в высоту и двух человеческих ростов. Длина составляла около десяти шагов, ширина – чуть меньше пяти. Глубоко ли она уходит в почву, Катарин сказать не мог: щебень слежался, плотно схваченный морозом, а сколько его нанесло с ближайших осыпей, можно только гадать. Никаких углов и выступов на гробнице не было: этакая вытянутая капля, лежащая на боку. Говорили, что самый твердый камень не оставляет следа на стене гробницы, и Катарин не преминул проверить это утверждение. Так и вышло: острый кристалл безвредно скользнул по неразрушимой поверхности.

Касаясь пальцами холодной стены, Катарин обошел гробницу. Очень хотелось разгрести щебень и посмотреть, что

внизу, каково основание постройки, но Катарин понимал, что одному такая работа не под силу. Но было не избавиться от ощущения, что никакого основания у гробницы нет, что внизу она так же скруглена, как и с боков, – не выстроена, а просто положена на склоне, принесенная неведомой силой.

Уже обойдя гробницу кругом, Катарин обнаружил вход. Трещина или щель, плотно забитая пылью, была тем не менее хорошо заметна. Можно ли ее расширить, Катарин не знал, но, вытащив нож, принялся выскребать слежавшуюся пыль. Спустя несколько минут дверь удалось поддеть ножом, после чего она не распахнулась, а выдвинулась вперед, а затем легко отъехала в сторону.

Открылся проход. В вечной полутьме предутренних сумерек он казался черным провалом.

В своих путешествиях Катарину не раз приходилось осматривать узкие расщелины и разломы, куда не проникал рассеянный свет скрытого за горизонтом Соло. На такой случай в заплечном мешке хранилось несколько светцов, скрученных из просмоленных волокон. Катарин выбил искру и, подняв факелок повыше, заглянул в отверстие. Перед ним было крошечное помещенье, неясно зачем устроенное. Здесь нельзя было лежать и не на чем сидеть. У стены стояли два горшка, низких и широкогорлых; свои таких не лепят. В одном было зерно, во втором что-то намертво смерзшееся – скорей всего, какая-то еда. Вряд ли антиподные жители устроили в гробнице кладовку, Катарин и его со-

племенники порой находили брошенные жилища закатных и знали, как они живут. Это закатным от людей Катарина не достается ничего: Соло сжигает все следы, а мороз сохраняет.

Скорей всего, в горшках были подношения предкам. Среди своих некоторые считали, что мертвых надо кормить, так почему бы закатным не думать так же?

Сам Катарин ни в какую мистику не верил, странно было бы разведчику верить в духов и прочую ерунду. Но, отколупнув в горшке несколько зерен, Катарин подумал, что надо бы проверить, не сохранили ли семена всхожесть. Такие находки порой бывают очень полезны. Надо будет сегодня же наскрести пару пригоршней зерна, но прежде следует взглянуть, что ждет его в гробнице дальше. Очертания второй двери четко виднелись на противоположной стене.

Вторая дверь отъехала в сторону так же легко, как и первая. Вздв просмоленный жгут, Катарин шагнул вперед. Глаза, привыкшие к полумраку предутрия, различали все прекрасно. Перед ним в самом деле была гробница, и в ней был похоронен всего один человек. Ни на миг Катарин не усомнился, что видит останки хозяина усыпальницы.

Раз за разом несокрушимая гробница оказывалась под прямыми лучами Соло, когда сами камни рассыпаются в прах, затем уходила в тень – и внутрь пробирался немислимый мороз. То, что некогда было плотью, давно пересохло и обуглилось, но то, что осталось, по-прежнему напоминало

человеческую фигуру, сидящую в кресле пилота.

«Кресло пилота» – так называется подставка, на которую усаживают умерших родичей. Живые люди отступают перед жарой, а кладбища остаются, и Соло испепеляет тела и кресла, на которые усажены мертвые. Только несокрушимые гробницы древних остаются стоять, будто вчера выстроены, и хрупкие кости предка сидят в кресле пилота.

Катарин молча отшагнул назад и вернул на место дверь, плотно закрыв вход. Он нашел подтверждение обугленным легендам, и старики будут довольны, но главное все же – отыскать дорогу на полночь, а тут до сих пор заметных успехов нет. Значит, надо идти дальше.

Вездеход, оставленный возле гробницы, отошел немного в сторону, разгребал ногой щебень и что-то грыз. Катарин подошел глянуть. Под слоем щебня и плотно слежавшихся пыли и песка, нанесенных ветром, обнаружили остатки кустов, накрепко высушенные морозом, но годные в пищу неприхотливому вездеходу. Вообще, древесина плохо сохраняется даже на холодной стороне, вымороженное дерево ветра легко истирают в пыль, но погребенные под небольшим слоем песка ветки кустарников могут храниться сколь угодно долго. И раз закатные люди не вырубили кустарники для своих нужд, значит, места эти были богаты всяким произрастанием. Хорошая примета. Теперь бы найти долину, где можно не только пасти скот, но и по-настоящему пахать. Сюда потом можно вернуться, разжечь костерок, обо-

греться, подкормить вездехода, а пока надо идти дальше.

Плато в этом месте полого спускалось, нагромождений камней не было – значит, можно ехать верхом. Катарин позвал отдохнувшего вездехода и поехал не слишком торопясь, но куда быстрее, чем прежде. Со спины зверя видно хорошо, и Катарин издали заметил, что плоскогорье круто обрывается вниз. Спешился, подошел к обрыву. Внизу растилась долина. Не ущелье, слегка сглаженное временем, а настоящая долина, о каких только сказители песни поют. Когда-нибудь внизу потечет река, чей исток будет в замерзшем озере, на ее берегах станет колоситься хлеб. Спуститься вниз всем народом – не проблема, куда трудней преодолеть те бугры и стены, что встретились Катарину за последние два дня. А здесь... веревочные лестницы, блоки – и человеческая река вместе со всем имуществом и стадами хлынет вниз.

Катарин подошел к краю, чтобы как следует оглядеть обрыв.

Пропась на сотню махов глубиной, и там на дне стоял развьюченный вездеход.

Чужой разведчик! Он уже здесь и, быть может, успел сообщить своим о чудесной долине, в которой безбедно проживут три, а то и четыре поколения его родичей.

Но где же сам следопыт? Катарин прищурил глаза, выглядывая соперника, и быстро отыскал его. Тот пластался по стене, медленно поднимаясь на обрыв. Все понятно, на то

он и разведчик, чтобы выяснить, что находится наверху. Но он чужой разведчик и сейчас уязвим, как никогда. Один не слишком большой камень – и проблем больше нет. То есть проблемы все равно будут, ибо заселять долину начнут еще не скоро, и за это время ее сотню раз отыщут и свои, и чужие. Кровь незнакомого скалолаза станет лишь первой пролитой в грядущей войне.

Война будет идти во имя памяти предков и ради жизни потомков. Такие войны неизбежны, и ничто не может их остановить.

Вот только совсем близко, за спиной, высится гробница древних, и все люди, свои и чужие – равно потомки истлевшего пилота. Никогда прежде не случалось войн возле гробниц... во всяком случае, люди такого не помнят. Хотя и о гробницах, стоящих в горах, тоже никто не помнит.

Катарин вздохнул и принялся разматывать веревку, обмотанную вокруг пояса. Будет война или не будет, но первую кровь прольет не он.

Почувствовав прикосновение веревки, незнакомый скалолаз, ни мгновения не колеблясь, закрепил конец на поясе. Если сверху спускают страховку – значит, сбрасывать в любом случае не станут.

– Здесь гробница древних, – предупреждая расспросы, произнес Катарин, когда над краем обрыва показалось лицо чужого разведчика.

Чужак отцепил страховку, смотал и подал ее Катарину.

– Гробница далеко? – слова он произносил, странно растягивая, но в целом понятно.

– Часа за три дойдем.

Шли молча. Катарин не очень понимал, о чем можно говорить с врагом. Рядом с гробницей общего предка воевать нельзя. Можно разговаривать и торговать, но чем торговать и о чем говорить?

Шли быстро и дошли засветло. Не дожидаясь, пока чужак отыщет вход, Катарин сдвинул дверь и, затеплив светец, привычно шагнул в могильную тьму. Сзади слышалось сдавленное дыхание чужака.

– Вот значит оно как...

– Да, это кресло пилота. Настоящее.

– Я говорю о пульте.

– Пульт управления тоже настоящий.

Пультom управления называли глиняную стеночку, которую во время похорон выкладывали перед креслом пилота так, что сидящий покойник смотрел на узоры, выдавленные на влажной глине. Здесь тоже был пульт, не глиняный, конечно, а из таинственного материала древних, способного противостоять жаре и холоду. Но на нем были не рисунки, а глубокие дыры, заполненные хрустким пеплом.

– Там что-то было.

– Пульт, – недоумевающе ответил Катарин. – У вас разве не выкладывают перед креслом пилота пульт управления?

– Выкладывают. И старики чертят на пульте узоры. Но

здесь что-то иное. Этот пульт явно был зачем-то нужен.

– Что может быть нужно мертвому? Только лететь к звездам. И сегодня для этого в гробницах ставят кресло пилота и пульт управления. Но полет начинается, когда все это сгорает.

– Наши старики тоже так делают. И антиподы – тоже. Только их захоронения не горят и никуда не деваются. И гробницы древних стоят нерушимо. Значит, тут что-то иное, о чем мы не знаем.

Не сговариваясь, оба вышли под потемневшее небо.

– Тут есть дрова, – сказал Катарин, подводя чужого разведчика к основательно разрытому вездеходом месту.

Мелкие веточки вездеход давно схрумкал, а те, что потолще, разведчики легко поломали на полешки и развели костерок. Пересохшая древесина горела жарко и бездымно. Нечасто в походе удавалось погреться у костра, а чтобы сидеть рядом с противником, такого и вовсе не бывало.

– Меня зовут Машок, – произнес чужак.

Хорошее древнее имя. Человек с таким именем – воин или разведчик и уж всегда настоящий мужчина. Жаль, что он не свой.

– Я – Катарин.

Вот так. Спрашивается, как им сражаться друг с другом, когда они встретятся в бою?

– Удивляет меня эта гробница, – произнес Машок. – Зачем ее тут построили и выстроена ли она вообще? Думаю,

если разрыть щебень, мы не найдем внизу никакого фундамента.

Катарин кивнул, хотя Машок не мог видеть этого жеста. Ведь разговор предусматривает спор, иначе никакой истины не добьешься. И, хотя Катарин был согласен с Машком, он возразил:

– Гробница строится, чтобы умерший мог уйти к звездам, с которых пришли предки. Потому и делается деревянное кресло пилота, а из глины лепят пульт управления, и старики разрисовывают его приборами.

– Теперь мы увидели, как это должно быть на самом деле.

– Не совсем, а то, что осталось. Соло не заглянуло в гробницу, но и там то, что могло гореть, выгорело дотла.

– Это так, но я говорю о другом. Уверен, что это не гробница. Она не выстроена здесь, а прилетела со звезд, как то рассказывается в легендах.

– Пусть так, – сказал Катарин, – но что с того? Сегодня мы летаем к звездам лишь в мечтах и сказках, глиняные гробницы не могут оторваться от земли, а эта гробница, даже если летала когда-то, полностью выжжена.

– Представляю, каково там, на звездах, – задумчиво произнес Машок, – ведь там негде укрыться от Соло.

– Потому они и прилетели сюда, где есть благословенные земли.

– Жаль, что их не хватает на всех. Из-за этого вражда и войны. Мы хорошо помним, как ваши деды сбили нас с пе-

ревала и загнали в теснины. А счастливые земли достались вам.

Вот и прозвучали слова, которых ждал и боялся Катарин. Разведчик, которому он помог забраться на обрыв, оказался врагом. Да и кем он мог оказаться?

– Сейчас там почти невозможно жить, – словно извиняясь, сказал Катарин. – Еще два-три года, и Соло прогонит нас оттуда.

– У нас были очень тяжелые времена. Дед рассказывал, что тогда многие умерли от голода. Потом мы открыли долину, вышедшую из тьмы, и сейчас наш народ многочисленней и сильнее, чем был когда-то. А когда Соло приблизится, мы собираемся отступить сюда. Это тоже очень хорошая долина, она даже больше, чем та, где мы живем сейчас, хотя пока мы не нашли здесь обильных источников воды.

Богатый, попросту чудесный источник воды Катарин видел всего несколько часов назад. Когда горное озеро начнет оттаивать, воду можно будет направить в нужную сторону. Но кто скажет, какая из сторон нужна? Поставить небольшую плотину, чуть углубить будущее русло – и вода бессмысленно хлынет в ущелье, по которому утром пробирался Катарин. А можно поставить запруды с противоположной стороны и расчистить другое русло. Тогда с обрыва, у которого они сидят, заструится водопад, и долина внизу обратится в цветущий сад. Но к этому времени долину займут соплеменники Машка, а своим не достанется ничего. Значит,

снова, как три поколения назад, разразится война. С обрыва на длинных веревках заскользят люди из народа Катарина – воины, которые сейчас еще играют в камушки, а то и вовсе покуда не родились. Внизу их будут ждать собратья Машка, и вряд ли многие достигнут дна живыми.

Сегодня судьбу не родившихся поколений решают два разведчика, мирно сидящие у костерка. Пока между ними мир, подкрепленный памятью древних, рядом с гробницами которых нельзя сражаться. Но когда речь пойдет о существовании народа, обугленные традиции будут забыты.

Машковцы попробуют штурмовать обрыв или начнут искать обходные тропы, чтобы подняться наверх, но у них тоже ничего не получится: сбивать ползущих на скалу всегда проще, для этого достаточно камней. Так два народа, презревшие заветы предков, и останутся впустую стоять: одни – погибая от голода, другие – от безводья.

Очевидно, и Машок думал о том же, потому что вдруг спросил:

– Как бы поступил на нашем месте древний пилот?

– Все люди, сколько ни есть, его потомки. Потому и запрещено воевать возле гробниц.

– Наверняка эта гробница поставлена здесь неспроста. Если и впрямь они могли летать по небу, то по земле тем более умели двигаться, вот старый пилот и прилетел перед смертью сюда, чтобы дать нам знак.

– Забавно получается, – проговорил Катарин, – выходит,

гробницы делались не для смерти, а для жизни, ведь эта гробница не улетела к звездам, когда пилот умер. Выходит, это не могила, а что-то вроде вездехода. Хороший вездеход в случае гибели хозяина никуда не уйдет, а будет ждать, пока не погибнет сам.

– Как бы то ни было, – вернулся к прежней мысли Машок, – это знак нам, что здесь нельзя воевать.

«Что бы ты сказал, – подумал Катарин, – если бы знал, что вода, без которой долина теряет привлекательность, находится за моей спиной... Тогда ваших скалолазов будет не остановить, они полезут на штурм, но им уже никто не станет спускать веревки, чтобы помочь подняться».

Машок подкинул в костер пару источенных временем веток и сказал:

– Открой гробницу еще на минуту.

– Темно...

– Мне только первую дверь. Я и светец палить не стану, возьму только горшок, что антиподы оставили. Тот, что с зерном, – он ценный, пусть пока стоит, а я возьму другой.

– Зачем?

– Антиподы в своих могилах оставляют умершим еду. Про зерно я прежде не слышал, а про еду старики говорят. И если она накрепко замерзла, то портиться не будет, и ее можно есть. Кто еду антиподов пробовал, тому удача на всю жизнь.

– И ты рискнешь?

– Почему бы нет? Не яд же они там положили... Тут спит наш общий предок, антиподов в том числе.

Катарин кивнул, соглашаясь. Разведчики поднялись и принесли к костру необычно низкий горшок, вылепленный в давние времена людьми, идущими вслед за Соло.

Горшок пристроили на угли, долили из фляг немного воды. На крепком холоде ничто не портится, но высыхает быстро, если нет плотной крышки. Крышечка на горшке была, но не слишком плотная.

Через несколько минут содержимое стоящего на углях горшка сытно запыхтело.

– Каша, – сказал Катарин, приняхавшись.

Машок зацепил немного кончиком ножа и осторожно попробовал.

– Каша, – подтвердил он. – Вкусная.

Катарин тоже достал нож, придвинулся к горшку.

Есть кашу с ножа не слишком ловко, да еще в компании с человеком, на которого этот нож запасен. Тут уже не думаешь, что сварена каша прорву поколений назад людьми, жившими по ту сторону мира. Вовек бы такому не бывать, если бы не чернела поблизости приземистая гробница пилота-прародителя, которая, может быть, вовсе не могила, а умерший вездеход.

Последние остатки каши Катарин собрал со дна рукой и тихонько посвистал вездеходу. Тот сразу подошел, осторожно соскреб угощение с ладони. Зубы у вездехода вдесятеро

против человеческих, ему ничего не стоит отсадить кисть руки, но еще не было случая, чтобы умное животное укусило хозяина.

Катарин похлопал ладонью по щебню, вздохнул послушно улегся.

– Устраивайся на ночевку, – предложил Катарин.

Лег, прижавшись к вездехожему боку. Машку оставил ту сторону, где дополнительно пригревал не совсем еще остывший костерок. С полминуты прошло в тишине, потом Катарин спросил:

– Ты внизу воду нашел?

– Нет, – послышалось из темноты. – Долина преогромнейшая, но сухая. На окрестных вершинах ни одного сколько-нибудь приличного ледника. И возвратные ветры тоже дождей не принесут, негде им водой напиться. Последняя надежда была на этот обрыв, где мы встретились.

– Здесь есть вода, – сообщил Катарин то, о чем хотел промолчать. – А по ущельям, которыми я поднимался, уже сейчас текут реки. У нас возвратные ветра несут теплые дожди с благодатных земель... с бывших благодатных земель. Мы еще живем там, но это не надолго. Становится слишком жарко, урожаев почти нет. Слышал, наверное: сначала урожаи бывают огромные, а потом хлеб выгорает, не успев выколотиться. А по ущельям на север от наших поселений пахотных земель не будет. Единственная наша надежда – равнина под обрывом, где мы встретились. Тут за моей спиной огромней-

шее озеро, промерзшее до дна. Когда оно начнет оттаивать, воду можно будет сбрасывать в наши ущелья или на равнину, с обрыва. Представляешь, какой тут появится водопад?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.